

Национальное сознание бикультурной языковой личности

В.А. Маслова,

д. ф. н., профессор кафедры дошкольного и начального образования;

Е.Ю. Муратова,

*д. ф. н., профессор кафедры общего и русского языкознания,
Витебский государственный университет им. П.М. Машерова,
Витебск, Беларусь*

В статье показано, что исследовать языковое сознание можно не только с помощью различных экспериментальных методик или триангуляционного метода, но и через выявление образов сознания, закрепленных во фразеологизмах, пословицах, поговорках, афоризмах.

Ключевые слова: сознание, языковое сознание, афоризмы, пословицы, поговорки, образ

Особенности миропонимания у разных этносов обусловлены не только отсутствием тех или иных культурно значимых объектов и реалий, но и в иной акцентуации одних и тех же признаков и специфической комбинаторике с другими признаками. Все это находит отображение в языковом сознании, анализу которого посвящены монографии Г.В. Ейгера и И.А. Раппопорта, А.А. Залевской, Т.Н. Ушаковой, Н.В. Уфимцевой, академические сборники «Языковое сознание» и др.

Исследовать языковое сознание чрезвычайно сложно, потому что сознание и мышление не жёстко связаны с вербальным языком. Американский нейрофизиолог Дэвид Хьюбел, лауреат Нобелевской премии, сравнивал сознание с ветром: увидеть и поймать его нельзя, но очевидны результаты его деятельности – гнущиеся деревья, волны или даже цунами. Таким образом, будущее развитие наук покажет, насколько тесно связаны язык и мышление, но связаны они по-иному, чем это видится традиционно.

А традиционно считается, что «Сознание отображает себя в слове, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [1]. В идеале языковое сознание откроет себя триангулятивному (триангуляционному) подходу. Его применение является принципиально новым аспектом лингвистических исследований. Триангуляция в рамках лингвокультурологических исследований – достаточно новое явление. Впервые о ней заговорил известный психолингвист Е.Ф. Тарасов, почти сразу же появились другие работы, например, О.А. Леонтович, а также доктор-

ские исследования его учеников В.П. Синячкина и А.Д. Палкина, выполненные в русле данного направления. Вероятно, данный подход сможет пролить свет на многие не поддающиеся традиционному исследованию тайны языкового сознания, но это – проблема будущего.

Думается, что на сегодняшний день наилучшим материалом для исследования национального языкового сознания, кроме эксперимента, являются фразеологизмы, пословицы, поговорки, в которых зафиксирована культура народа.

Что касается эксперимента, то, действительно, экспериментальные методики являются одним из действенных способов выявления особенностей образов сознания носителей той или иной культуры. Одной из самых распространенных является методика свободного ассоциативного эксперимента, которая заключается в предъявлении испытуемым слов-стимулов, на которые следует реагировать первым «пришедшим в голову» словом или словосочетанием. Однако, результаты такого эксперимента зачастую удручают. Так, даже не лингвист знает о богатейшей символике головы как части тела. Анализ соответствующей статьи «Русского ассоциативного словаря» [2, с. 36] показывает, что более 60% реакций связаны с признаком «часть тела» (*болит, большая, волосы, круглая, на плечах* и др.), около 35% реакций – с признаком «центр разума» (*умная, светлая, садовая, думает* и др.). Сходные варианты реакций наблюдаются в ассоциативном словаре белорусов (А.И. Титовой) и украинцев (Н.П. Бутенко). Что касается более сложных и самобытных образов, то они отсутствуют в ассоциативных словарях, зато живут в национальном языковом сознании, т.к. зафиксированы во фразеологизмах (*быть на голову выше* – о чем-то превосходстве, *голова пухнет* – ощущение физического и морального дискомфорта).

Рассмотрим это подробнее. Ю.С. Степанов [3] писал о неслучайности наименований объектов в разных лингвокультурах. Широкое хождение имеет мысль о том, что признак, положенный в основу наименования (внутренняя форма), релятивен, поскольку реальный мир многомерен, а слово учитывает только один, замеченный конкретным народом признак. Например, одно и то же растение называется «смородина» и «парэчки» – в русском слове акцентируется внимание на запахе, исходящем от растения, а в белорусском – место произрастания – по реке). Эти признаки – результат образов языкового сознания народа, которое в значительной мере этноспецифично, потому что единицы любого языка приобретают в культуре дополнительную, культурную семантику. Так, в языковом сознании представителей русской культуры слово *голова* является вербальным символом не только центра разума, интеллекта (*иметь голову на плечах, с головой* – быть умным), или эталоном поведения (*голова вскружилась* – потерялась способность

правильно оценивать себя; *хвататься за голову* – попасть в безвыходное положение, *дать голову на отсечение* – ручаться и др.); но и воплощением человеческого духа, власти и жизненной силы – *стоять во главе, заплатить головой, свернуть голову* – погибнуть. Голова – вместилище памяти: *вылететь из головы* – забыть; *не выходит из головы, лезть в голову* – неконтролируемо появляться в сознании. Еще один релевантный признак “руководство действиями, поступками” позволяет связывать соматизм *голова* с целым рядом контекстов традиционной обрядности, верований и ритуалов, следы которых сохранились в идиомах *посыпать голову пеплом, с повинной головой* и др.

Движения головой имеют большое значение в русском национальном обществе вообще и в общении в частности – *склонить голову* (смирение), *ходить с высоко поднятой головой* (гордость), *ходить с опущенной головой* (горе, печаль) и т.д.

В языковом сознании других народов – иное содержание и иные образы. Так, Платон в «Тимее» считает голову символом мира. У древних египтян голова как полусферический венец человеческого тела означает небеса

Анализ работ ряда лингвистов (Н.Д. Арутюновой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, А. Вежбицкой, С.Г. Тер-Минасовой и др.) позволил выявить следующие черты русского менталитета: иррациональность мира, фатализм, покорность и смирение, готовность к самобичеванию и покаянию, соборность и коллективизм. Закрепленность в языке – это не только высокая частотность и важность названных черт в лексике русского языка, но и специфические черты в грамматике. Рассмотрим это подробнее. Как писал В.В. Владимиров: «Понятие коллективизма в западном понимании этого слова обычно противопоставляется индивидуализму. Не так в России. Здесь коллективизм означает взаимопомощь и взаимовыручку, а также умение сотрудничать при служении одному общему делу». Но при этом велико значение и отдельной личности. В русском языке для обозначения такого качества нации существует иное, более подходящее слово: *солидарность*. Близко по значению с ними соотносится *соборность*, о которой довольно много написано. *Иррациональность* – это отрицание логики. Академик И.П. Павлов писал: «Если кто-то рассуждает логично, то тем самым демонстрирует только то, что находится в здравом уме, а не то, что он прав».

В русском синтаксисе отобразена такая черта русских, как вера в судьбу, фатализм, пассивно-созерцательное отношение к миру: *Чему быть – того не миновать; Авось кривая вывезет*. В целом в синтаксисе много бесподлежащих конструкций (*Лодку разбило бурей*), обилие безличных и инфинитивных, а также обобщенно-личных предложений. Выявлено также такое свойство языка, как «неагентивность», неконтролируемость, неуправляемость действий. В синтаксисе отмечено большое количество «дательных»

(*мне нравится, кажется, хочется*), речи глаголов с инкорпорированной семантикой невольного характера осуществления. Лексически это также может быть выражено через присутствие большого количества слов внезапности, странности, необычности; наречий, обозначающих неожиданность, неконтролируемость действия.

Поощрение проявления эмоций, стремление «раскрыть душу» привело к тому, что категория эмоциональности также очень ярко выражена в речи. Русский язык богат «активными» эмоциональными глаголами. Высока значимость экспрессивной деривации для русского языка и культуры, что прослеживается в частом, почти постоянном, употреблении уменьшительно-ласкательных суффиксов в именах собственных, в существительных, прилагательных. Это свидетельствует о повышенной сентиментальности, сердечности русской души и к тому же способствует формированию этих качеств.

Специфика французского языка ярко представлен в работах А. Фулье, А. Кристофа. Рационализм французов выражается в прямом порядке слов, отсутствии свободного порядка слов, неприятию составных слов и неологизмов. Законы французского языка сравнимы с законами геометрии: все располагается по прямой линии. Н. Бердяев писал: «Русские рассматривают проблему по существу, французы склонны обрисовывать проблему в контексте прошлого, уже известного опыта. Русское мироощущение ближе к “духам природы”, оно не сковано цивилизацией, более свободно в выборе средств и способов своего выражения. У французов природное начало слабее, новое они рассматривают в зеркале состоявшегося опыта» [4].

Следовательно, два названных языка можно противопоставить по ряду признаков: синтетизм / аналитизм, прямой порядок слов / инверсия, редкое / частое употребление безличных конструкций, субъектность / бессубъектность предложения, статичный (преобладание существительных) / динамичный (преобладание глаголов) характер предложений и т.д.

Каждый язык обусловлен особым космологосом, как считал Г. Гачев. Каждое слово имеет свою географию и «национальность»: белорусское слово *далонь* – фонетически и семантически связано со словами *доля*, *долина*, *даль*. В русском этих связей на *ладонь* не возникает.

В польском языке костюм лежит (*Garnitur leży*), в русском – сидит, в немецком – стоит (*Anzug steht gut*). Здесь не только сочетаемостные различия, вероятно, различия кроются в мировидении, а возможно, и в сознании носителей языка. Специфика видения мира, отношения к себе и к другому обнаруживается не только в самом слове, но и в частотности его использования, которая свидетельствует о значимости этого слова для данной культуры. Так, сравнивают использование так называемых гиперболических наречий *абсолютно*, *совершенно* и близкого по значению существительного *ужас* – они

значительно более частотны в русском языке, чем в английском. Это свидетельствует о том, что «русская культура поощряет “прямые”, резкие, безоговорочные оценочные суждения, а англосаксонская культура – нет», что русские более склонны к преувеличению в оценке ситуации» [5, с. 32].

Многолетняя история существования на одном социокультурном пространстве русского и белорусского языков породила своеобразную языковую ситуацию, которая в лингвистической литературе определяется как двуязычие (или билингвизм), причем это *близкородственное двуязычие*, при котором русский и белорусский языки активно взаимодействуют.

Русский и белорусский нужно понимать как 2 языковых кода (инструмента), каждый из которых наиболее активен в сфере своего употребления: русский язык – это сфера науки, образования, экономики, производства и др.; белорусский постепенно завоевывает сферу государственного управления и делопроизводства. Но это длительный, медленно текущий процесс. Сейчас белорусский язык активно выполняет символическую функцию: он стал символом белорускости (об этом пишет Н.Б. Мечковская). Но сам родной язык очень важен для консолидации нации. Правда, есть и другие точки зрения, например, Л. Гумилева пишет о том, что гораздо важнее национальное самосознание: на каком бы языке мы не говорили, но пока мы помним, что мы белорусы, мы ими и останемся, независимо от языка.

И тем не менее национальный язык и его развитие – первейшая наша задача, т.к. вхождение в культуру вообще возможно только на базе родного языка. Только родной язык хранит культурную память народа, формирует исконное для нации чувство мировосприятия и миропонимания, а также духовной близости между людьми одного этноязыкового сообщества.

Рассмотрим некоторые моменты варьирования объема значения в лексике русского и белорусского языков. Известно, что в семантике слова заключены особенности менталитета нации, ее психологии, а также культурно-этнографические традиции.

Например, в белорусском языке имеется ряд лексических единиц, которые обозначают предметы и явления, характерные для духовной культуры и быта белорусского народа. Как правило, эти слова не имеют русского эквивалента: *дажы́нкі* («праздник окончания жатвы»), *дако́скі* («окончание косьбы»), *бульба́нік* («картофельная ботва»), *кужа́ль* («очёсаный лён»). Эти слова связаны с земледельческими традициями белорусов. Так, белорусское слово *вѳрай*, имеющее в современном белорусском языке значение «теплые страны, куда птицы улетают осенью», а также «первые весенние птицы» [6, 279]. В белорусской мифологической традиции являлось древним названием *рая* и *райского дерева*, на вершинах которого живут птицы и души умерших. Согласно древним белорусским поверьям, «тот, кто

первым увидел *вырай*, считался счастливым и удачливым человеком на протяжении года».

Другую группу безэквивалентной белорусской лексики образуют слова, характеризующие один и тот же предмет или явление как в русском, так и в белорусском языках, однако звучат они в одном и другом языке по-разному: русскому слову *стичка* соответствует белорусское *запálка*. В белорусском названии предмета отражен **функциональный признак**. По сходству данного признака соотносятся в белорусском и русском языках и такие слова:

летучая мышь (рус.) – *кажán* (бел.);

водка (рус.) – *гарэлка* (бел.);

свадьба (рус.) – *вясэлле* (бел.) и др.

Различие словообразовательных систем русского и белорусского языков также приводит к лексической безэквивалентности. «Тем более естественны расхождения между языками тогда, когда их словообразовательные средства значительно отличаются» [7, с.101]. Так, в белорусских словах *папа-прасіць*, *папахадзіць* приставка *папа-* имеет значение протяженности или многократности действия. В русском языке данные слова можно заменить словосочетаниями «долго просить», «долго ходить». Такая лексика традиционно называется безэквивалентной. В ней заложены важные коммуникативные и изобразительные возможности языковой культуры. Именно на лексическом уровне наиболее ярко проявляются черты национальной специфики.

Вывод

Хотя этническое сознание не всегда совпадает с языком, на котором человек общается и пишет, принадлежность языковой личности к той или иной национально-культурной традиции определяется в зависимости от ее этноспецифического языкового выражения.

Литература

1. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч. в 6-ти т. Т. 2. М., 1982.
2. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др.: В 2 т. – М., 2002.
3. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985.
4. Бердяев Н. Судьбы России, М. 2004.
5. Вежбицкая Анна. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры. – 2001.
6. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мн., 1985.
7. Супрун А.Е. Лекции по лингвистике. – Мн., 1980.